

Национализм как фактор развития *

Беда наших дискуссий о национализме состоит в том, что лексическое поле, на котором эта дискуссия осуществляется, мало пригодно для этой цели. Оно оккупировано и деформировано идеологией. Достаточно сказать, что трудно перевести на русский, как, впрочем, и на другие языки народов СССР, западные тексты по национальной проблематике. Причина этого известна: «Отказ от принятого во всем мире нейтрального терминологического смысла слова «национализм» заставляет нас все время подыскивать описательные слова-заменители — «национальные чувства», «национальное самосознание» и т. д.»¹.

Корни недуга, однако, весьма глубоки и крепки. Верный диагноз дал, на мой взгляд, М. Эпштейн в работе «Способы воздействия идеологического высказывания»². Он показал, как создаются парные понятия, описывающие одни и те же явления, но имеющие неотъемлемый антонимичный оценочный оттенок. Пример таких пар: миролюбие—примиренчество, патриотизм—национализм, интернационализм—космополитизм, где оценочный элемент присутствует именно за счет фиксации самих оппозиций. В языковой структуре возникают устойчивые жесткие конструкции — тетрады, являющиеся результатом индоктринации языка.

Устойчивость негативной окраски слова «национализм» в нашем политическом языке иллюстрирует даже проект Союзного договора, предающий анафеме в одном ряду и шовинизм, и национализм.

Достаточно обратиться к опубликованной недавно в «ОНС» статье Л. Перепелкина и О. Шкаратана, чтобы убедиться в том, что до освобождения научных понятий от идеологической оккупации не близко. Авторы не свободны от негативной коннотации слова «национализм», по-прежнему пользуются эвфемизмами, но им, между тем, уже предъявлено обвинение в «научном обосновании национализма»³. Замечательны как само это обвинение, так и то, что авторы этой интересной работы считают нужным пространно оправдываться.

* * *

В современной научной литературе можно выделить две основные концепции, в которых осмысливается феномен национализма,— это концепции зависимого развития и модернизационная.

* Статья написана в июне 1991 года.

¹ «Родник», 1989, № 1, с. 55.

² См. «Образ человека XX века». М., ИНИОН, 1988.

³ Перепелкин Л., Шкаратан О. Экономическая модернизация и национальное возрождение. «Общественные науки и современность», 1991, № 2, с. 89.

Первая возникла позже второй как ее оппозиция. Из основоположников концепции зависимого развития наиболее известен И. Уоллерстайн. Осмысливая исторический процесс в капиталистическую эпоху как формирование и развитие единой мировой хозяйственной системы, он предложил деление стран по месту их в этой системе на сердцевинные, полупериферийные и периферийные. В основе развития системы лежит, по его мнению, неэквивалентный обмен между сердцевинными государствами и остальным миром. Определяя роль полупериферийных государств в системе мирового хозяйства, Уоллерстайн сравнивает их с привилегированными группами местного населения колоний, которые колонизаторы используют для осуществления своего господства⁴. Отсюда можно составить представление об идеологических посылках данной концепции. Национализм рассматривается в ней как побочный продукт развития отстающего и эксплуатируемого периферийного или полупериферийного общества, сталкивающегося с тяготами принудительного перехода к новому типу хозяйствования и осознающего свою отсталость. Этот подход используют многие исследователи и у нас⁵.

Национализм с этой точки зрения выражает идею национального освобождения и вместе с тем выполняет функции психологической компенсации. Общество, осознающее свою отсталость, пытается как-то снять возникающий психологический дискомфорт, по крайней мере его ослабить. С неизбежной закономерностью появляются идеи, компенсирующие сознание ущербности, которые облекаются в различные формы мессианизма и концепции жертвы. Так, в России отсталость объяснялась и объясняется нередко до сих пор ущербом от татарского нашествия, борьба с которым понимается и как защита Европы. В Польше осмысление судьбы страны в XVIII и XIX вв. породило образ Польши — Христа народов, своими страданиями и самоотверженностью искупающей грехи других. Широко распространено было и здесь видение национально-освободительной борьбы как борьбы с тиранией в защиту свободы в Европе в целом. Мессианские концепции питались и идеей привнесения в общую копилку цивилизации сохраненных в более полном и чистом, чем где-либо, виде духовных ценностей.

Весьма распространены были и представления о «преимуществах» отсталости. Возникла надежда на ускоренное развитие за счет «срезания извилин» и учета ошибок первопроходцев. При резко критическом отношении к опыту Запада возникал соблазн «особого пути», когда в качестве подлежащей срезанию извилины рассматривался весь опыт буржуазного развития в целом.

У этносов, лишенных собственной государственности, национализм часто приводил к возникновению «Великой идеи». Представления о национальной территории, о границах «своего» государства формировались в опоре на тот период в прошлом, порой весьма отдаленный, когда государство, в котором данный этнос преобладал, достигало своего наивысшего могущества. Однако не учитывалось, что в то время государство основывалось не на национальном, а на феодальном, династическом принципе. Европа же континентальных империй создавала совсем другую, чем на западе материка (где границы феодальных государств по большей части совпадали с границами культур), реальность — с дисперсным расселением, с анклавами национальных меньшинств. «Великие идеи» приходили в противоречие между собой и с реальностью, границы «идеальных отечеств», разумеется, накладывались друг на друга, что служило источником ожесточенных конфликтов.

Размышления о национализме в рамках концепции зависимого разви-

⁴Wallerstein I. M. The Modern World-System. Vol. I, II. N. Y., 1974, 1980.

⁵См. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783—1883 гг. М., 1986; работы Е. Б. Рашковской и др.

тия дают почву для негативного окрашивания этого понятия. Национален — девиация, нежелательный побочный продукт роста, сакрализация прошлого, часто воображаемого, конфликт, война. Такая трактовка проблемы национализма во многом близка марксизму. Для марксизма национализм—также результат отсталости, нечто отмирающее при успешном развитии.

Если же задаться вопросом, почему идеологи, а затем ж более широкие слои в странах запаздывающего развития видят решение проблем в создании национального государства, почему в этой сфере идеологии так много заимствований, то нам придется включить в круг наших рассуждений Запад. Очевидно, что идеал национального государства заимствуется с Запада вместе с осознанием того факта, что успехи наиболее развитых стран тесно связаны с существованием именно национальных государств.

* * *

Целостная концепция функций национализма в передовых странах Запада сложилась в рамках теории модернизации. Одним из первых важных шагов в ее формировании явилась вышедшая в 1953 г. книга Карла Дойча «Национализм и социальные коммуникации»⁶. Даже в те годы, когда теория модернизации переживала кризис и вызывала резкий скептицизм у большинства исследователей, ценность этой работы не ставилась под сомнение.

Дойч перенес акцент с вопроса о том, как зарождаются националистические идеологии, на проблему их распространения и воспроизводства. Для создания единого культурного пространства такой плотности и гомогенности, которая требуется для формирования нации, рассуждал Дойч, необходима определенная целостная система коммуникаций, которая может возникнуть только в современном обществе.

Важнейшие шаги в этом направлении были сделаны с формированием единой многоуровневой системы образования и складыванием надрегионального рынка прессы. Оба этих процесса ставили в центр внимания проблему языка. Коммуникативные связи формировали у основной части этноса систему устойчивых культурных предпочтений, представления о принадлежности к общему целому и о взаимосвязи индивидуальных интересов и интересов целого, которое конституировалось уже на базе культурной общности.

Модернизационный процесс разрушает прежние институты, выступавшие посредниками между индивидом и государством (цехи, гильдии, общины и т. п.). Люди рождались внутри этих общностей и идентифицировались в их рамках. Политическое целое формировалось из институтов, отдельные части которых с этим целым себя не идентифицировали и с властью общались лишь при посредстве этих институтов. Индустриализация, возросшая социальная мобильность, широкое распространение требований политического равенства и участия — таковы обстоятельства, в которых формирование нового механизма идентификации становится необходимым. Концепция «своего» государства, охватывающего одну культуру и имеющего принадлежащее этой культуре правительство,— вот существо национализма. Национализм, таким образом, выступает как «по преимуществу политический принцип, который предполагает, что политическое и национальное целое должны совпадать», пишет Э. Геллнер в книге «Нации и национализм», которую можно, пожалуй, считать наиболее полным и стройным изложением концепции национализма в рамках теории модерни-

⁶ D e u t s c h K. Nationalism and Social Communication. N. Y., 1966.

зации⁷. Это не пробуждение спящей силы, а следствие новых форм социальной организации, не проходящий побочный эффект модернизации, ; важная, выполняющая существенные конструктивные функции ее состав ляющая. Нация, т. е. носитель политического суверенитета в новое время рождается из национализма, а не наоборот. Это, пожалуй, один из важней ших выводов Геллнера ⁸.

Говоря о мифотворчестве национализма, Геллнер подчеркивает его огромные возможности в создании новой реальности при опоре на мифы. Сегодня уже нет оснований заблуждаться относительно того, что индустриальная эра станет эрой интернационализма. Напротив, новое время — время национализма.

Такой подход позволяет освободиться от демонизации национализма, отойти от интеллектуально бесплодной конфронтации с ним и рассматривать национализм как неотъемлемую составляющую современных политических процессов, как амбивалентное явление, имеющее и положительный, и опасный потенциалы. Очевидно, что многие проблемы, в решении которых национализм принимал участие в XIX и начале XX в., сегодня попросту неактуальны либо претерпели существенные модификации. В нашем обществе, уже решившем — в данном случае неважно, насколько целесообразным путем — задачи индустриализации, урбанизации, утверждения всеобщей грамотности и т. д., роль национализма существенно меняется. Констатация этого факта нередко рассматривается как основание для тезиса, отрицающего позитивную роль национализма, если не вовсе, то, во всяком случае, в современных условиях. Национализм, между тем, остается одним из наиболее влиятельных идейных течений и наиболее мощных общественных движений в нашей стране, и подлинная задача состоит в том, чтобы увидеть в этих новых условиях и его положительный потенциал, и опасности, с ним связанные, объективные ограничения, налагаемые на национализм современной ситуацией.

* * *

Оценивая роль национализма в «перестроечный» период, нужно прежде всего отметить, что на первых порах он оказался для нашего раздробленного тоталитаризмом общества практически единственным эффективным средством массовой политической мобилизации. Именно наличие мощных националистических движений, имеющих антикоммунистическую, а во многих случаях и демократическую направленность, составляет на сегодня главный, если не единственный, политический фактор, позволяющий уверенно говорить о необратимости распада «старого режима». Националистические движения немало способствовали подрыву имперской бюрократической системы, дали важные импульсы демонополизации экономики и других сфер общественной жизни. Во внутренней жизни ряда республик базирующиеся на национализме — как мы условились его понимать — движения играют важную роль в строительстве новой политической структуры, в формировании новых политических элит и выдвижении новых лидеров.

Здесь стоит процитировать интервью народного депутата СССР Клары Халлик таллиннской газете «Политика»: «У нас сегодня не свободная личность, как в США, не гражданское цивилизованное общество, как в европейских странах, а этносы, народы могут действовать, осознанно отстаивая свои интересы. В этой ситуации главный реформатор, учитывающий специфику страны, именно здесь и углядел бы свою социальную базу»⁹. Беда,

⁷ G e l l n e r E. Nations and Nationalism. Oxford, 1988, p. 1.

⁸ Op. cit., p. 55.

⁹ См. Собрание «Независимой газеты», № 2, с. в.

однако, в том, что «главный реформатор» пошел по пути императора Франца-Иосифа, пытавшегося в 1848 г. сохранить свое господство, сталкивая различные национальные движения Австрийской империи между собой. Это способствовало в нашей стране эскалации национальных требований, вытеснению умеренных лидеров из руководящего состава многих национальных движений. (Ясно, что будь вопрос о принципиально новом Союзном договоре поставлен хотя бы в начале 1989 г.— а это было возможно,—ситуация выглядела бы сегодня совершенно иначе.) «Горизонтальный» же союз национальных движений против «старого режима» в масштабе всего Союза оказался невозможен. Причин тому было много: асинхронность их развития, разный уровень политической культуры и активности масс. Большое значение имели и слабость, раздробленность российского демократического движения, которые, кстати, далеко не в последнюю очередь обуславливались невозможностью использовать национализм как фактор мобилизации населения доминирующей части империи. Таким образом, конструктивный политический потенциал национализма не был вполне использован.

Политические задачи, решаемые с участием национализма в Советском Союзе — демонтаж «старого режима», децентрализация, посттоталитарная регенерация, — имеют свою специфику, продиктованную особенностями современной ситуации в нашей стране. Так же выглядит и ситуация в экономической сфере. Неоднородность экономического пространства СССР столь велика, что переход к рынку требует определенного членения этого пространства на относительно однородные части, многие из которых будут иметь своими границами границы республик.

Вместе с тем очевидно, что перечисленные задачи не исчерпывают националистической программы, они уже той абсолютной цели, к которой стремится национализм, — создание национального государства. Здесь мы выходим на более общую проблему пределов, ограничений, налагаемых на националистические движения объективными обстоятельствами, и способности этих движений и их лидеров к самоограничению.

В экономике эти пределы обозначены вполне ясно и жестко: степень экономической интегрированности республик вдвое превышает соответствующий показатель в ЕЭС, и некоординированный в рамках экономического пространства Союза переход к рынку для отдельных республик невозможен.

Проблема издержек и ограничений в политической сфере весьма многопланова. Некоторые ее аспекты могут быть полнее поняты с учетом исторического опыта Центральной Европы — региона, который имел до некоторой степени сходный с нашим имперский опыт.

* * *

В докладе, сделанном в Москве в апреле 1991 г., Э. Геллнер предложил пятиступенчатую градацию национализма в Центральной и Восточной Европе. Первая — это отвержение национализма, внесенного в политическое развитие Центральной Европы Великой французской революцией и наполеоновскими войнами. Легитимизм Священного союза базировался на религиозном и династическом принципе, так что для изображения политической карты этой части Европы достаточно было трех цветов, обозначающих территорию Османской, Австрийской и Российской империй. Вторая стадия — национальная ирредента, когда в идеологии принцип национализма начинает господствовать и активизируется процесс формирования однородных национальных культур, обладающих политическим самосознанием. Третья стадия, получившая широкое воплощение после 1918 г., — национализм становится доминирующим принципом послевоенного устройства в

опоре на вильсоновскую концепцию самоопределения наций. Границы новых национальных государств в условиях этнической чересполосицы этого региона не могли не игнорировать права национальных меньшинств. Возникли новые меньшинства из частей прежде доминировавших групп — немцев, венгров. (Их история представляет особый интерес в плане сопоставительного анализа с положением русских в стремящихся к независимости республиках СССР.)

Четвертая стадия — тенденция к культурной гомогенизации новых государственных образований. Государство легитимизирует себя защитой культуры. Доминирующим становится принцип: одно государство—одна культура. Мирный способ достижения этой цели — ассимиляция меньшинств. Но широко применяются и насильственные методы, показавшие свою высокую эффективность,—геноцид и массовые депортации. Пятая стадия, которую основная часть Европы переживает в настоящее время,— это постепенное снижение напряженности в сфере национальных отношений, что отчасти связано с характером современного социально-экономического развития, а отчасти — с последствиями предыдущих стадий.

Реставрация Российской империи новым режимом после 1917 г. привела к тому, что на этой территории третья и последующие стадии процесса не реализовались. Теперь элементы этих стадий выступают одновременно в виде тенденции к суверенизации, отделению от Союза, в назревании территориальных конфликтов между республиками, в погромах и убийствах на почве национальной вражды, волнах беженцев и одновременно в тенденции к сохранению единого экономического пространства и (в ряде случаев) определенного уровня политической общности.

Национальная проблема в СССР может быть осмыслена в свете сказанного, во-первых, как задача максимального использования потенциала националистических движений для демонтажа тоталитарных и имперских структур, а во-вторых, как проблема минимизации издержек, связанных с непройденными в СССР третьей и четвертой, по Геллнеру, стадиями развития национализма, и обеспечения по возможности «мягкой посадки» в пятую стадию.

* * *

Один из наиболее вредных мифов, бытующих в нашем мышлении о национальных проблемах,— это перенесение главной смысловой нагрузки на вторую часть известной формулы «самоопределение вплоть до отделения». Ее абсолютизация подталкивает к пониманию самоопределения в большей степени как акта, чем как процесса.

Ясно, что попытка реорганизации империи в опоре на абсолютизированный принцип национального самоопределения, предполагающий обретение всеми этносами, проживающими на территории СССР, государственного суверенитета,— абсурдна. Развитие событий показывает, что —во всяком случае до сего дня — объективные ограничения во многих случаях срабатывают, сдерживая развитие националистических движений. В частности, большинство деклараций о суверенитете российских автономий, трактуемых нередко как проявление цепной реакции национализма, являются в действительности тактическими ходами в политической борьбе, а не следствием зрелого национализма. Взаимоотношения российского центра и большинства автономий могут без острых конфликтов регулироваться в рамках расширения региональной и национально-культурной автономий. Механизмы такого регулирования хорошо отработаны в мировой практике, а сложности решения этой проблемы связаны по большей части не с национализмом живущих в России этносов, а с трудностями общего процесса децентрализации и разгосударствления собственности.

Ограничительные факторы, сдерживающие развитие национализма в российских автономиях, срабатывают сегодня во многом потому, что их влиянию подчиняется и русская часть населения России. Проблема национализма наиболее многочисленного этноса империи имеет свою специфику. Можно выделить несколько вариантов самоидентификации русских в СССР. Имперский, когда в качестве «своего» государства воспринимается СССР как таковой. Российский, когда в этом качестве выступает современная Российская Федерация. Значительной силой обладают регионалистские настроения, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Все это, строго говоря, не националистические ориентации. Собственно националистическое мышление, ставящее целью создание Русского государства, сталкивается с серьезными трудностями. Расселение русских в СССР таково, что попытки создать сколько-нибудь определенный образ «идеального отечества» русского народа либо сбиваются в имперство, либо соглашаются оставить за пределами Русского государства десятки миллионов русских и значительную часть территории Российской Федерации. Издержки обоих вариантов слишком очевидны сегодня для большинства русских. Попытки некоторых националистических группировок использовать как инструмент мобилизации образ врага до сих пор имеют ограниченный успех, поскольку врага приходится придумывать.

Русский национализм не может превратиться в мощное движение без «посторонней» помощи — массового бегства русских с окраин империи или резкого обострения национального конфликта в самой России. Последняя возможность связана, главным образом, с развитием событий в Татарстане. Существующая сегодня ситуация неустойчивого равновесия базируется на взаимном самоограничении сторон. Развитие процесса регионализации России и создания четкой правовой базы регулирования отношений между российским центром и местными властями позволит сделать ситуацию более стабильной.

Проблема минимизации издержек особенно сложна, когда мы имеем дело с действительно мощными националистическими движениями. Очень важно правильно оценить, обладает ли то или иное движение такой критической массой, которая делает невозможным урегулирование промежуточного характера. Факторы, формирующие эту критическую массу, весьма многообразны: численность этноса, его удельный вес на территории, которую он считает «своей», ее геополитическое положение, наличие «живой» традиции национальной государственности, уровень мобилизации этноса националистической идеологией и другие. Своевременное признание того факта, что ряд националистических движений в СССР уже перешагнули этот рубеж (как это имело место в республиках Прибалтики), позволит избежать бесплодных и весьма опасных попыток «втянуть» в процесс формирования новой федерации или конфедерации те республики, в которых большинство населения уже не приемлет такого решения. Предметом переговоров между этими республиками и легитимным руководством новой федерации должен быть именно процесс создания национальных государств. В противном случае будет просто потеряна возможность контроля над событиями и серьезно и надолго отягощены отношения с будущими соседями, а тем самым созданы мощные источники напряженности как для отделяющихся республик, так и для самой федерации. В значительной мере это касается сегодня Грузии, Армении, Молдовы и, может быть, Украины.

Наложение принципа национального государства на пестрое этническое пространство империи, для которой в течение десятилетий была характерна высокая интенсивность миграционных процессов, просто не может обойтись без острых конфликтов. Дополнительную напряженность создает то обстоятельство, что в период перестройки некоторые артефакты нашего

прошлого, в том числе национально-государственное членение Союза, приобрели силу реальных фактов. Произвольное проведение границ между республиками не порождало острых конфликтов в рамках прочной империи. В современных условиях, когда линии на карте приобретают характер межгосударственных границ, некоторые из них начинают сочиться кровью. Образы «идеальных отечеств» и в СССР накладываются друг на друга, причем иногда весьма значительно — Крым, Северный Казахстан, не говоря уже о Нагорном Карабахе. Особый характер имеет проблема границ в Прибалтике. Здесь национализм имеет очень сильную «реставрационную» составляющую, ставя своей целью восстановление межвоенной государственности, разумеется, в прежних границах.

Если согласиться, что границы есть средство увеличения коллективного потенциала обеспечения более благоприятных условий развития того государственного образования, которое в них заключено, то на пространстве СССР граница сможет выполнять эту роль только при высокой степени ее проницаемости, при выработке такого ее статуса, который позволял бы смягчить возникающие в процессе суверенизации проблемы и рассматривать границу именно как средство, а не священный символ суверенитета.

* * *

Об экономическом факторе ограничения суверенитета республик, вставших на путь формирования национальных государств, уже говорилось. Есть и геополитические ограничения. Например, Латвия и Эстония «приговорены» терпеть на своих территориях, по крайней мере в течение длительного времени, военные базы огромного Балтийского флота, поскольку других нет и построить их негде, да и не на что.

Еще один очень важный фактор — наличие в большинстве из республик значительных национальных меньшинств, заметный процент которых составляет русское население. Возможности его выезда в Россию или ассимиляции весьма ограничены. Иными словами, новые национальные государства сталкиваются с весьма жестким императивом проведения сознательной политики ограниченного суверенитета. Выработка такого *modus vivendi* этих республик и федерации — задача, аналогов в мировой практике не имеющая. Путь к ее решению лежит, как представляется, через организацию непрерывного переговорного процесса и создание постоянных консультативных органов. В данном случае необходимо достижение консенсуса относительно того, что процесс неостановим, а выход его из-под контроля чреват катастрофическими последствиями для обеих сторон.

Развитие событий дает вообще серьезные основания усомниться в образе национализма как слепой силы. Несмотря на чудовищные ошибки и преступления последних лет в сфере национальной политики, сдерживающие факторы продолжают работать.

Важно при этом, чтобы формируемая федерация (или конфедерация) также рассматривалась на данном этапе не как абсолютная ценность, а как наиболее щадящая структура переходного периода, открытая для изменений как в направлении расширения суверенитета своих членов, так и делегирования ими федерации дополнительных полномочий. В условиях тяжелейшего экологического и экономического кризисов, реорганизации на принципиально новой основе всех сторон общественной жизни стабильность любой структуры зависит от ее эластичности и временного характера. Достаточно представить себе, как возрастет напряженность в федерации (конфедерации), если в какой-либо из республик к власти придет новая политическая сила, несогласная с какими-то условиями уже подписанного их предшественниками нового Союзного договора, чтобы понять, насколько важно сразу заложить в договор механизм его корректировки. Когда-то в

Австро-Венгрии бытовала шутка, что наибольшим постоянством в стране обладают временные решения. Что ж, в каждой шутке есть доля правды.

Республики имеют столь различные типы политической культуры, что в рамках федерации попросту невозможно успешное функционирование демократии мажоритарного типа. Реализация же консociативной демократии затруднена тем, что принципы формирования политических элит в республиках весьма различны и не всегда сами процессы становления этих элит близки к завершению.

Представляется, что одной из ключевых категорий как самого националистического мышления, так и мышления о национализме должно стать понятие «национальных интересов». В отличие от Запада, где оно оказывается весьма близко интересам суверенных национальных государств, в наших условиях оно предполагает объединение усилий политических движений, выражающих интересы различных этносов, в осуществлении демонтажа имперских структур таким образом, чтобы эта конструкция не рухнула на головы тех, кто находится внутри нее.

Только пройдя этот опаснейший переходный период, только по достижении определенной стабилизации нашего общества можно будет в практическом плане перенести акцент на проблемы суверенитета и изменения роли национализма в эпоху постмодернизма, нового соотношения прав этноса и личности. В своем понимании национализма сегодня мы должны уберечься как от ошибочного представления, будто наши проблемы не отличаются принципиально от чьих-либо других более или менее недавнего прошлого, так и от искушения «перепрыгнуть» через них, присоединившись сразу к передовому человечеству.

© А. Миллер, 1992